

Шишина, да не та...

СИБИРЬ — земля большая, та-
лантливая. И земляные вы-
ставки «Сибирь социалистиче-
ская», раскинувшая свой стан
в залах Новосибирской картинной
галереи, — явление примечатель-
ное, широкое, щедрое. Выставлены
произведения живописи, графики,
скульптуры, монументального, деко-
ративно-прикладного и театрально-
декорационного искусства.

Если в прошлые годы на сиби-
рских выставках безраздельно гос-
подствовала живопись, а графика
или скульптура были представлены
лишь немногими именами, то сей-
час, например, график отведен
несколько запаса целиком. Смело
ищут новые формы выразительности
молодые монументалисты А. Черно-
брюсова и Ю. Катев, создавшие из
ленобетона панно «Богатство несмет-
ной край».

Сибирь не этой выставке предста-
вляется как край, в котором по сравне-
нию с прошлыми годами замечательно
увеличиваются и богатства искус-
ства.

Но, кроме созерца-
ния прошлого и настоящего, в са-
мом искусстве есть более важное
сознание — искусства с жизнью,
проблемами, поднятыми искусством, с
проблемами, волнующими общество.

Я не в силах и не намерен излагать
свои впечатления о работах
этих мастеров, оценивать все произ-
ведения. Заметки мои не претендуют
на непогрешимость, но, мне кажется,
мысли, которые я высказываю,
трехают не одного меня.

Прежде чем подробно изучить
выставку, я решил белого оглядеть
запасы галерей. И тут я спросил се-
бя: не слишком ли много в живописи
замечено увеличиваются и богатства искус-
ства.

Вот в короткую минуту рабочего
перерыва устало присел мужчины
и женщины, они потупились, молчат;
картина А. Кирсанова (Кемерово)
называется «Разговор». А на карти-
не кротинина Е. Конева «Весна на
скрипке» — три девушки-малыша в
хомбетонах, одна сидит и читает
из пограничных фотографий.

Вот в короткую минуту рабочего
перерыва устало присел мужчины
и женщины, они потупились, молчат;
картина А. Кирсанова (Кемерово)
называется «Разговор». А на карти-
не кротинина Е. Конева «Весна на
скрипке» — три девушки-малыша в
хомбетонах, одна сидит и читает
из пограничных фотографий.

И темы-то вроде бы разнообраз-
ные берут художники. Например,
картина новосибирца И. Попова на-
зываются «В новом сознании», а его
зимника Б. Брюкова — «Праздничный
день». В новом сознании сидят
на бревнах трое мужчин в бронзовы-
х плащах. Средний, к которому
жанта крохотная дончурка, сверти-
ла цигарку и смотрит задумчиво,
помысл, даже настороженно. Две
других тоже молчат, задумались. На
заднем плане тешут превеси сло-
ваписанные фигуры. А вот «Праз-
ничный день». На первом, плене
старушки, сгорбившиеся, сидят
на скамейке; справа, у крыльца,
стоят две девушки, одна поднимла
загородку кудато и небу, другая опу-
стила глаза в землю.

Темы-то разные, а решение одно,
и передко в решении этом — лож-
ная многозначительность. В картине
И. Несынова «Сибирские дети» (Иркутск) даже дети внутренне не-
одинаковы. Я уже не говорю о тех
вещах, что просто глаза речут язы-
ком изображения персонажей. Таковы,
на мой взгляд, «Семья сибирских
комбайнеров» И. Несынова, «С вы-
садкой» Н. Верховки и некоторые
другие.

У картин, о которых идет речь,
есть свои достоинства. Эмоциональ-
но написаны мужчины и женщины
в «Разговоре», хороши колориты
«Праздничного дня» — свежесть мо-
лодой земли, прозрачность возду-
ха. В картине А. Тришиной «Отбой»,
несмотря на некоторую искусствен-
ность композиции, впечатляют об-
разы брандмауэр и стоящего ря-
дом пожарного. В этих как бы по-
степенно уступающихся лицах
еще чувствуется злость недавней
схватки с огнем. Люди уже побо-
дели, но они еще, как говорится,
точкошки. Психологический мо-
мент точно уловлен художником.

«После работы» В. Хлынова —
одна из лучших картин на выставке,
хотя она какими-то краем входит
в эту непропорциональную «сверни-
задумчивую» типину. Сидят молодой
мужчина с дочкой. У него грубо,
обеторное, но удивительно добре-
ное лицо, чистые голубые глаза. Во-

но даже эта картина не в
силах, пожалуй, развеять преобладающие настроения
залов: задумчивую типину. И не
только по простой ассоциации мне
вспоминается другая «типин» —
роман Ю. Бондарева.

Сколько за последние годы пер-
ешел советский народ в победе, в
радостях, и горестях! Литература
в значительной степени сумела вы-
разить основную суть нашей жиз-
ни. Вспомним ту же «типину», «Жи-
вые и мертвые» К. Симонова, фильм «Все
остается людьми», роман Д. Грина «Иду на грозу», вспом-
ним глубокие, обильные сме-
лыми мыслями книги сибиряков «На
Иртыше» С. Залыгина, «Темы исче-
гают в позднем» А. Иванова. Да и
другие... Решительное утверждение
наших светлых идей, беспощадное
обличие зла, злые проблемы, крупные
характеры, глубокие кон-
фликты — вот что свойственно си-
бирской литературе последних лет.

Почему же так ощущено ослабле-
ние связи между живописью и
литературой? А ведь такая связь
согда была в русском искусстве.

Мне кажется, что живописцы

СЛАВНЫХ ВРЕМЕН музыка
сопутствует драме. Правда,
были в истории драматическо-
го театра случаи, когда музыка
(либо в спектаклях, натуралистиче-
ского направления) уходила со
сцены, но она всегда была по-
стоянной проблемой.

И он перефразирует слова
Глинки, отчуждаясь: «Сочи-
наем музыку не мы. Сочиняет
ее режиссер, а мы только зра-
жируем». В этой шутке есть
известная злая соль: действи-
тельно, «сочиняет» музыку в общем
режиссер, его виши, кругозор «Музике-
режиссер». легко ухать в разных
спектаклях, в разных театрах. Так,
к примеру, «музыкальный почерк»
Бориса Равенского всегда наставляет
слушателя, что бы и где бы ни
сидели: в звуковой партитуре его
спектаклей есть нечто неуловимо
общее.

Хотя музыкальная «картина» в его
постановках построена на зву-
ках, начиная с положительного при-
мера. Полную любовь он одарил
«Снегами с праздниками» в Москов-
ском театре сатиры. Эти незатей-
ные музыкальные мелодии.
По театру «снегами». Он «вербует»
себе все новые и новые музыкаль-
ные поклонников, вот уже и такие
мастера симфонических и камерных
жанров, как Арам Хачатурян, Ка-
рарин, Н. Пейко, О. Тахтиани и
другие, сочиняют для него. Но те-
атр и синематеки. Они очень часто
показывают и на классиках, причем сфе-
ра его «экспансии» все время рас-
ширяется.

И ВСЕ ЖЕ приходится с гру-
стью замечать: художествен-
ные уровни театральной му-
зыки еще очень низок даже в

театре драмы и комедии! Компози-
тор В. Левашов сочинил прево-
змущающую музыку к «Асто-
нардовому» спектаклю в МХАТе,
заслужившему похвалы из зала.

Перед Всесоюзной режиссерской конференцией

СЛОЖНАЯ проблема на театре — красавы, музыкальные решения В. Мурзалина в спектакле «Помимо ульянов» заслуживают слух, и даже хорошая рус-
ская песня «Степь да степь кругом».

К сожалению, широко распро-
странено в драматическом театре че-

сликом замкнулись во внутренних
проблемах своего искусства. Быто-
визм борется с помпозностью, эле-
менты натурализма сражаются с
элементами условной живописи.
Один в японской пыли попыткам вы-
писывает каждую инкунабулу на каждом
из сотни листочков, изображенными
на картине, другой в немецком зе-
мельном городе забывает о реалистич-
еской форме. В этом пылу внутрен-
них узоров все забывает главное: глубокое и смелое открытие бы-
тия.

Всегда фигура, в выражении лица —
удовлетворенная усталость. Чувст-
вуется, что так устал может лишь
человек, который хорошо, на пользу-
зу людям поработал. Нежное лицо
девочки, прижавшейся к отцу, не
столько контрастирует с ним, сколько подчеркивает покомкость
лиц, особенно больших голубых
глаз. И от этого как бы дополни-
тельный оттенок чистоты и нежности
ломится на облик отца. Это хоро-
шая картина, содержание которой
больше и серье знее непосредствен-
ного сюжета.

Да, в последние годы советские

люди много думали, глубоко думали,
бумажи действительность дава-
ли пищу для серьезных размышлений.
Но мы думали и думаем вовсе

не потому что хотим

задумчивость как таковую.

ПОДСЫПАЮЩИЕ в КОСМОСЕ сибир-
ские художники не посыпают
ни одной картины. Да и во
всем нашей живописи их нет.

Недавно промелькнула
одном журнале ре-
продукция не помно-
гой картин: на пло-
щадке лифта ракеты
столкнулись в скандале и
привязали подчина руку. Синяя
смотри, подняла лицо, товарищи,
снарядившие его в полет. Они не-
много напряжены, трошкины, но
глубоких переживаний и раздумий
нет.

Поденки — это не тогда, когда легко
и пародично, а когда немногим
трудно. Иначе это поденки.

Смотрю и на картину хорошего

мужчины Геннадия, ожидющей пыль из

космоса. До сих пор никто из живо-
писцев не отважился вступить в
творческое соприкосновение с этим
пограничным фрагментом.

Доминирующая пессимистичная
задумчивость как бы символизирует со-
стояние многих сибирских художников.
Они задумались, но еще не пе-
рещены в актенному выражению

и жизни.

Будем надеяться, что за этой задум-
чивостью придет напряжение

максимальных исследований философов,

глубокое раздумье перед большим

открытием.

АНИКУЛЬКОВ, НОВОСИБИРСК.

И вспомнил я, что в картине

«Снегири» Ильи Репина

все же есть и другие

картины, которые

вспомнил я, и вспомнил я,

и вспомнил я, и

НА ЗОНАЛЬНЫХ ВЫСТАВКАХ

Е. БЕЛАШОВА. «Пушкин». (Фрагмент).

Москва.

В СЕ НАЧАЛОСЬ с того, что он прислал возмущенное письмо в газету:

«Мне случайно попалась книжка Папы Васильева «Избранные». До чего дошла наша поэзия! Как можно писать так:

У этих цветов
Был неслыханный запах,
Они на губах
Оставили следы.
Цветы эти, верно,
Стояли на лавах.
У черной,

Наполненной страхом воды.
Как могут цветы оставлять следы на губах? А это уже абраакадабра какая-то: наполненный страхом воды! Страно нужно указать поэту?..

Подпись — Николай В. Адрес — ленинградский.

«Страно указывать поэту мы не могли: жизнь П. Васильева трагически оборвалась. Прочли письмо Николая, и сразу стало как-то скучно. Опять, доказывай, что два + два = четырьмя, что есть из цветов такие штухи, как образ и метафора,...

Одним словом, существует еще в мире эстетическая глупость, и художникам много, нудно и долго не раз приходилось доказывать, что они не верблюды. Хотя каждый раз хотелось для недумывающего несредний для здоровою совет: подумай!

Думать труднее. Легче написать письмо. Пусть думают для их редакции.

И дали думают. Думают, как объяснить, что Волга владеет в Каспийском море, чтобы знать, сказать Пушкину и что он решительно не хотел сказать. Для терпеливых, и не жалеют думать. Хотя каждый раз хотелось для недумывающего несредний для здоровою совет: подумай!

«Страно указывать поэту мы не могли: жизнь П. Васильева трагически оборвалась. Прочли письмо Николая, и сразу стало как-то скучно. Опять, доказывай, что два + два = четырьмя, что есть из цветов такие штухи, как образ и метафора,...

«А им обидно? За искусство. Ли-тературу. Позицию. За то, что кто-то там, в Ленинграде или Куйбышеве, не жалеет думать. Для образа и метафоры. Их в чем-то подозревают. А они решительно не в чем не виноваты... «Виноват тот, кто не хочет понять их».

Мы помолчали головами, как лучше не это объяснять Николаю. Ломали эри — при встрече высмыслились, говоря его словами, что до всех сих высоких матерей ему «как к дамам».

«Вообще-то я этим не люблю».

— Эх его, заткну! (Это от Павла Васильева.) А ты здесь думай.

Осторожно замечаем, что по-боевому думать не време. Даже, как говорят врачи, полезно.

— Смотри над чём! Я вот рабочий. Имею хороший разум. Кончую вечное отделение политехнического. Вот здесь.

— Это — все «по его части». Нам словно представляют другого Николая — умного, увлеченного. Техника — его болт. Вие же для него все — нечто вроде пустыни Сахары с редкими влагами отрывочных сведений.

— На все не хватит времени. Искусство? Смотрят телевизор. Газеты читаю. Книги — мало. Занимается Был в Москве в Третьяковке. Так, раз посмотрят стоит. Для образования. Главное — профессия. — Он антипод поднимает: живой, мол, живой! Взрослые — уже за грядут кое-что в жизни поиздевали — А в професии вы играете?

— Нет! — скромно признаемся мы.

— Жаль, пекин-лавочки! А я люблю пульку расхвостыты!

Речь его оснащена могучей лексической артилерийей: «клады», «до лампочки», «пекин-лавочки». Есть еще гаишественное словосочетание «хоп — и никакого лампажа» — крайне выражение решительности. Картина проясняется: Николай — ярко выраженный тип «реалиста». С некоторой житейской мудростью: «Мы люди простые, работягие! Нам не до Рембрандта! А дичь?.. Чем хвалят Николай? Духовной

— Включил Сергей Тимофеевич — на должность — культуртрегизатора. После репетиции меня вызвал Сергей Тимофеевич.

— Вот что, дорогой мой, — сказал он, — надо распространить блеск на концерт бригады артистов Цукерманов. Понимаешь, мы получили разрешение на афиши на здании библиотеки.

И он сунул мне и руку пакет. Я опешился. В нашем не- большом коллективе работают 28 человек.

ЧЕЛОВЕК, ОБОГРАВШИЙ СЕБЯ

и Микеланджело, Левитана и Врубеля, Толстого и Блока, Сальви и Шостаковича. Нет ни творений зодчих, однозначных моушеций человеческого духа. Ни книга, где бытеста жизнью кровь поколений. Не хватает в науки его душа перед подозрением, которые Алексей Толстой называл волшебным словом «святостями». Зачем все это ему? Над ним «не капает».

— Я скептически отношусь к этим нашим искусствам. Беневоз, Амурас! Для техники, науки стоит жить.

В чей огород бросает он камень? В свой собственный.

Представьте: вы проснулись, и на свете нет Шекспира и Родена, Бетховена и Чайковского, Рембранда.

«Аппассионата» не исчезает у Николая счастья радости, это сердце не прогрет, как некий раздраженный стражами Блока: «Твои мне песни вторые, как слезы первые любви», не лежит в науки его душа перед подозрением, которые Алексей Толстой называл волшебным словом «святостями». Зачем все это ему? Над ним «не капает».

— «Лады» — и все тут. Никаких эмоций, переживаний.

Николай, позываясь, рассматривал акварели Сези:

— Что у тебя для других нет? Зачем это тебе? — И тут же неожиданно: «Сколько ты получаешь?»

Сези сгреб рисунки.

Что он мог ответить Николаю?

Зачем? Действительно, зачем? «Что он от этого имеет?» Славу? Деньги?

Он имеет большее — счастье. Он не хочет жить пещерами. Ему просто позоразил весь красоты этого мира. Поэтому он идет в Ермитаж и Русский. Поэтому подстегает с мольбертом приход белых ночей, чтоб не пропустить «прекрасный супроти, блеск безумного»... Поэтому бродит подполье, гуманными несвижскими набережными. Ему нужно небо в альмках. И к стакану, мы видим это, он шел, как на праздник, ибо работа для него — не «печки-лавочки», а та же любовь к жизни.

Поэт Савда считал, что в жизни каждого человека должны быть три периода: первые грядут, вторые наполняют знания, третьи — придают им накапливавшиеся знания. И вторые тридцать — страстно по земле, последние тридцать — творят, чтобы оставить будущему «ячейки своей души».

Савда был оптимистом: он полагал, что каждый из нас достоин до величия. Но, если «арифметика» поэта и относительна, то существуя на довольно длительном

и спокойном пути, она

иначе может оставить людям

и спокойные впечатления.

Но Волги ее забыть мне никогда не

хотелось.

На Волге

открыты альбомы свободных плаваний

и гимнастик на воде.

И в жизни предновогодней русской

и праздничной

и веселой

и спокойной

и романтической

и любовной

и романтической

и любовной